

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.1.019

Археология творчества: к диатетической сценографии «недуг тела – взлёт духа»

**В.В. Ильин, С.Н. Вишневская, И.С. Писаренко,
Т.В. Шафигуллина, Я.В. Яловенко**

ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени
Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга

На фоне установленной типологичности фигур мыследеятельности оригиналов и маргиналов проводится демаркация: вненаучный когитальный опыт довольствуется самодостаточным освоением вымышленной гиперреальности – возможного мира W , научный опыт крепится на необходимости соотнесения образных структур W со структурами действительного мира W_0 введением корреспондирующего медиатора R . На данном основании заявляется платформа реабилитации «воображения» как продуктивного ресурса, обеспечивающего плодотворное расширение познавательного потенциала; гносеология должна быть достроена «доверху» положительной доктриной рабочей машины творчества.

Ключевые слова: *продуктивное воображение, образное моделирование, гуманитарное зодчество.*

Традиционная трактовка психофизической проблемы как отношения (соотношения, взаимосвязи) двух миростроительных субстанциальных начал «тело – дух» глубоко парадоксальна, амбивалентна в прямом и переносном значении утверждаемого.

В прямом, – ибо противоречит капитальному эволюционному взгляду на природу вещей, по которому синкретично истолкованное «духовное» суть специфическое свойство высокоорганизованной материи, имеющее естественно-историческое происхождение вследствие формирования органического (в лице нуклепротеидного субстрата) и социокультурного (в лице социализационного суперстрата) обусловливания.

В переносном, – ибо навевает капитальным диатетическим взглядом на природу вещей, по которому явления вселенского масштаба и сложности концептуализируются семантическими альтернативами, дуальными оппозициями.

Паушально: система дихотомий синхронно-диахронного свойства от методологического дуализма до духовно-соматического параллелизма: контрверзы: идеальное, сознание, дух, разум, ум, душа, субъект, «Я» – материальное, бытие, плоть, тело, вещь, объект, «иное».

Модельное расщепление полифундаментального сущего на взаимоисключения, полярные контрастности (контрарность, контрадикторность) эвристично логически: позволяет через обозрение целостности интервалов типа $a \cdot \bar{a}$ судить о вмещаемых ими частностях; но не онтологиче-

ски: искажая картину примордиальной связности *corpore – animo*; *corpus – rectore*: одно без другого невозможно ни структурно, ни функционально, ни генетически, ни фактически. Отсюда – в недопустимости радикальной автономизации, сепарации, эмансипации компонентов телесно-духовной связности человеческой организации – общенаправляющие директивы: «дух» не может не иметь «тела»; душа делает из тела «средство» (минуя наведённые инициации психоделиков, психостимуляторов с прямо противоположным эффектом, где тело делает из души средство).

Фундаментальное единство «тело – душа» «на игре различий» (Делёз) в органически (не механически!) устроенном человеке (человек – телесно организованная духовность, представлением чего пренебрегать заповедно) тонко и точно в первых трёх антропных посылках «Поэмы философской» выразил Блок, подчёркивавший:

1. неправомерность базовой оппозиции *res corporea – res cogitans*

Здесь на земле единоклеточны
И дух и плоть путем одним
Бегут, в стремленьи нераздельны,
И Бог – одно начало им.
Он сотворил одно общенье,
И к нам донесся звездный слух,
Что в вечном жизненном теченьи
И с духом плоть, и с плотью дух.
И от рожденья – силой Бога
Они, исчислены в одно,
Бегут до смертного порога –
Вселенной тайное звено.

2. синкретизм «тела – духа»

Вечный дух – Властитель вышний тела –
Божеству подвластен, как оно.
Их союз до смертного предела –
Власти тайное зерно.
Вечен дух – и преходящим телом
Правит, сам подвластный божеству:
Власть в общеньи стала их уделом,
В ней – стремленье к естеству.
Их союз – к природной духа власти,
К подчиненью тела – их союз.
И бегут в едино сплоченные части
Силой вышних, тайных уз.

3. творческие импульсы духа получают телесную инкарнацию; туманные образные эфемерности наделяются плотью «земного ядра» (Маркс)

Дух человеческий властен земное покинуть жилище,
Тело не властно идти против велений души.

Сила души – властелин и могучий даятель закона,
Сила телесная вмиг точно исполнит закон.
Так-то объемлемый дух его же обнявшему телу
Властно законы дает, тело наполнив собой.
Тело же точно и вмиг души исполняет законы,
В жизненной связи с душой, вечно подвластно душе.

Таков свет стратегических магистралей; в тенетах тактических коллатералей просматривается одиозная линия: душа – дериват тела (на деле – не только «тела», но и «взаимовлияния, взаимодействия душ» в социализации), что выражается в весьма агрессивных установках практикующей медицины, концентрирующейся на изучении «тела» (влияний телесного на духовное) в ущерб изучению «души» (обратных влияний духовного на телесное – самоинициация; «чудесное» выздоровление обречённых) от Парацельса (сжегшего недостаточно «физиологичные» труды Гиппократ, Гален, Авиценна) до современных нейрофизиологов (с безосновным апломбом отрицающих существование души) и принятой платформы подготовки профессиональных медработников, 97 % бюджета времени в которой отведено освоению «соматического» (терапия, хирургия) и лишь 3 % его – психического (психология, этика, деонтология) [9, с. 16].

Лабораторно-инструментальные методы постижения телесной природы человека не критикуемы; однако следование лишь им подрывает возможность формирования адекватного объёмного понятия человека как био-социо-культурного телесно-духовного существа, заслуживающего биомедицинского попечения. (Аналогичное правильно адресовать телесно ориентированному психоанализу в исполнении того же Райха, испытывающему некомпенсируемые сложности в оказании реабилитационных услуг страждущим).

Безосновная калька редукции духовного к телесному дезавуируется сопоставлением способов мыследеятельности, техники генерации образов в репрезентативных когнитивных ареалах

- патология организма, вызывающая душевные расстройства (а);
- миропредставление народов, находящихся на архаичных стадиях цивилизационного развития (b);
- креативная деятельность по раздвижению пределов, границ знания задействованием продуктивных расширяющих синтезов (ПРС) (с).

(а) Достаточно надёжная этиологическая, нозологическая, патоанатомическая, патофизиологическая картина природы душевных расстройств свидетельствует о наличии динамических связей (вне детализации) между качеством структурно-функциональных блоков центрального отдела нервной системы (ЦОНС) и определённой мыследеятельности. При соответствующих патогенных деформациях ЦОНС (системы верхнего ствола, промежуточного мозга, мозолистого тела, лимбической системы, передних, задних отделов коры больших полушарий и т. д.) возникают изменённые психические состояния – отклоняющиеся от нормы формы со-

знания, мышления, знакового кодирования реальности, миропонимания, миропредставления.

Обратимся к добротному эмпирическому материалу. В интересующем нас когитальном разрезе при деформации физиологической подкладки – материальной основы высших психических функций регистрируется сугубый разбаланс стандартных мыследеятельностных процедур, операций, актов.

Врожденное или приобретенное психическое расстройство по степени невменяемости модифицируется в диапазоне: дебильность (легкая степень недоразвитости); имбецильность (средняя тяжесть поражения); идиотия (врожденное расстройство); олигофрения (тяжелая врожденная форма слабоумия); шизофрения (расщепление души с симптоматикой бредовых, галлюцинативных, делирических изменений состояний сознания); паранойя – хроническая психопатология с доминированием систематических бредней, obsessions, ананказмов, своей неотступностью непроизвольно подавляющих здравомысленность, ментальную работоспособность, перерастающих в психотические формы угнетения самости; гебефрения – ребяческая дурашливость, подростковое умственные силы изнуряющее шутовство; аменция – расстройство сознания, как при схизисе, связанное с нарушением пространственно-временной координации, образованием псевдопонятий, паралогизмов, наплывами мыслей, логическим соскальзыванием и т. п., деменция – приобретенное слабоумие с симптоматичным алогизмом мировосприятия.

В праксиологической плоскости «непреднамеренно-намеренная» порча человеческого вещества чревата самораспадом – чередой дефектных перерождений, характеризующих оскудение интеллекта; измельчание интересов; простор равнодушия, безучастности; развал целеполагания; нестойкость суждений; дерегуляцию смыслопородительных функций; наличие идеаторной стереотипии; двухколейность переживаний; навязчивость искажающих представлений; идущих вразрез с реальностью онейроидных, делирических, эйфорических состояний; насильственность сверхценных мыслей, мнестических провалов и т. д.

Распадение «Я» здесь описывается негативным блоком трех «д»:

- дереализация: искажение программирования опыта по месту, времени, действию; ощущение иномирия; размещение собственного существования в посторонние – параллельные субстанциальные порядки;

- дезориентация: осложнение восприятия окружающей действительности в житии по импульсам чувств, переносе внутренних побуждений на внешние обстоятельства;

- деперсонализация: самоутрата, расстройство самоидентификации в уподоблениях себя «иным», неспособность соотносить с собой содержание аутентичного опыта, самоотчужденное раздвоение «Я».

В гносеологической плоскости вирулентный переход в иномирие открывает «вообразительную» перспективу,

- в наиболее тривиальных деформирующих воплощениях получающую разрешение в нарушении способности суждения:
 - конфабуляция: выдумывание событий;
 - криптомнезия: неразличение действительного и мнимого;
 - делирии: иллюзорное конструирование свершающегося;
 - онейроиды: выстраивание фантасмагорий;
 - галлюцинация: генерация ложных восприятий etc.;
- в наиболее нетривиальных инспирирующих воплощениях получающую разрешение в творчестве:
 - продуктивные акты расширяющего синтеза;
 - креативная инноватика;
 - отход от рутинной схематики etc.

Мостя путь от настоящего к последующему, подчеркнем лишь то очевидное, но по-своему примечательное обстоятельство, что, как всякая объемная «определенность», мыследеятельная аномия допускает контрастное толкование. Оттолкнемся от аналогии. «Страдание» интерпретируется как «грех» – повреждение души и «недуг» – повреждение тела. Равнообразно ментальное отклонение от нормы, подрыв регуляризации выглядит как физиологически детерминированная аномалия (душевное расстройство) и творческая реализация.

В общей теории относительности принимается принцип эквивалентности – локальной неразличимости сил тяготения и инерции, проявляющихся при ускорении системы отсчета. В свете обсуждаемого (в отвлечении от генеалогии выхода в аномию) напрашивается принцип локальной неразличимости мыследеятельности оригинала и маргинала. Формально оба казуса выстраиваются на

- дискретизации (континуального) когнитивного процесса;
- дисквалификации значимости традиционных предметных связей;
- комбинировании паранепротиворечивостью.

Как относиться к искусному волнению народа (научного сообщества – в науке; популяции – в политике и т. д.) нелепою неожиданной новизной? со знаком « – » (помешательство) – « + » (гениальность)? – а priori высказать невозможно. С разумным правом возможно лишь констатировать наличие подвижной, тонкой грани между отступничеством и первопроходчеством, что в ряде случаев дает повод сближать два данных типа персонального вовлечения и участия.

(b) Многочисленные этнологические, лингвистические, социологические, гносеологические исследования мыслительного опыта древних народов подводят к оправданному выводу о дискордантности приёмов когитального освоения, запечатления реальности в «низших» и «высших» сообществах. Ментальный шиболет архаики – *ab abrupto* – акаузальность, терпимость к противоречию, несоблюдение структурно-функциональной инвариантности, синкретичность, бессистемность. На данной эфемерной опоре закрепляются столь экзотические интеллектуальные фигуры, как

контингентальное факультативное допущение бытия одного «по другому», «через другое»; тетическое полагание сущего в воображительных внепредметных связях; партиципативное онтологическое оборачивание – ситуативно-эмерджентная вещественная пластичность; пралогическая аморфность, осложняющая или отменяющая развёртывание генерализации, идентификации, абстрагирования.

С теоретико-познавательного угла зрения «легко и воздушно» текущая первобытная мысль суть вариация додискурсивно-преддискурсивного, чувствующе-прочувствующего когнитивного переживания (оксюмороны!) сущего, осуществляющая непонятное понимание в пределах картины действительности не в полне «от мира сего», – именно: в границах воображительной эпопеи, получаемой поглощением реальности образной сверхреальностью.

Перед нами специфический макет объективности через призму субъективности, где первое, инспирируясь перспективой второй влечёт псевдосубстанциальность с неразличением сущности и явления, мира и образа мира [8; 10; 11].

На опасность недискурсивного «очувствления» субстанциальности в когнитивном процессе обращал внимание Бодрийяр, подчёркивавший неправомерность погружения реальности в гиперреальность, поглощение реальности образностью нереальности и квалифицировавший таковое действие зловредной дьявольщиной [20]. Между тем, переходя к профессиональной эпистемологической тематизации, мы вынуждены признать: без образных безреферентных мыслительных конструкций с их онтологией обструкции (ср.: онтология деструкции в делирических, онейроидных, галлюциногенных заявлениях) не только в низшей, но и высшей общности не обойтись.

На завершающем этапе жизнедеятельности Леви-Брюль пришёл к убеждению структурно-функциональной идентичности человеческого разума, что выступает, конечно, неправомерно сильной платформой, но приемлемой в части фиксации общности мыслепородительных актов в архайке и модерне при производстве творческих продуктов в эстезисе, поэзисе, – тех секторах символического, где превалируют парадискурсивные техники образной обработки действительности, сфокусированные на «олицетворение», пролиферацию типов рациональности в инспирирующем переходе: понятие предмета – предмет понятия [4; 5]. (ср.: башляровская альтернатива: разум по образу и подобию мира – мир по образу и подобию разума.) [19, с. 113].

С психо-физиологического угла зрения проводится ригидное уподобление характера душевной жизни дикарей и невротиков [21]; уподобление по содержательному моменту: фабулы навязчивых идей душевнобольных коррелятивны миропредставлениям древних народов. На данной традукции оправдывается параллелизм онто- и филогенетического образотворчества.

Сторонясь искуса вступать на интригующую, но зыбкую почву психоаналитической интерпретации мыследеятельности, остановим внимание на следующем.

1. Не является обоснованным тезис соматической детерминированности качественной определённости картины мира в казусах архаичности и патологичности.

2. Содержательное совпадение анцестральных и неонтологических мыслительных форм не имеет строгого объяснения в терминах психоаналитически истолкованного биогенетического закона.

3. Явочно устанавливаемая тождественность смыслового контента бредней, галлюцинаций невротиков и мирообразов дикарей эксплицируется предзаложенностью не семантического (идеаторная стереотипия), но методического контура сопровождения мыследеятельности: нельзя из дикаря делать невротика и *vice versa*; тем более из интеллектуала делать ни невротика, ни дикаря (хотя везде есть исключения); дикарь, невротик, интеллектуал действуют по типологичной не содержательно, но формально предопределённой программе. С позиций артикулированного выше принципа локальной неразличимости содержательная идентичность сценографии действительности в трёх случаях обуславливается использованием особого языка (Шуберт называл его раскрепощённой «символикой сна») «движений души» (не обуславливаемого конкретными «движениями тела») с эксплуатацией тропов, оксюморонов, условностей, выходом из модального залога *de re* в модельный залог *de dicto*.

(с) Питательная среда творчества – нетривиальный переход из действительного универсума (W_0) в универсум возможного (W) с многозначительной переориентацией мыследеятельности с реализа на кондициалис, с актуатива на посессив, с фактива на контрфактив. Вещь достаточно «стандартная», чтобы слыть «дельным человеком», не упуская шанса «думать о красе ногтей».

Вдумаемся в существо обстоятельств, скрывающихся за фасадом адъектива «стандартный»: куда ни кинь, при перемещении с феноменологического («привычный», «шаблонный», «трафаретный», «единообразный») на эссенциологический («креативный», «созидательный», «творческий», «инновационный») уровень паки и паки дело взыскует крайне нестандартной версификации.

С наиболее далёкого, но вовлечённого (не как в проективной геометрии – «собственного») пункта обозрения интрига передаётся вопрошанием: какова генеалогия нового? Скачок из «постылой плоскости серого прозябания» (С. Венгеров) – концептуальной рутины – тематизируются четвероюко:

- допущением «особых» состояний души в реализации «особых» техник «полного» проникания субъекта в объект через слитие с ним в наведённом локусе «самадхи» – глубокой медитации с участием янтр, мантр (лайяйога, мантрайога) – оккультные восточные практики;

- вхождением в бытие через эмоциональную суггестию «изнутри»; постижение истины «воочию» умолканием интеллекта, художественной экзальтацией (ср.: Есенин:

О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину)

- мистический интуитивизм;

- непосредственной фиксации чувственными «порами» выделяемых объектами «материальных истечений» – внешних импульсов, провоцирующих в сенсорных приемниках прозрачные запечатлевания (наивный реализм, ассоцианизм);

- открытием мечтательных глаз расширяющей продуктивной синтетикой, создающей умственно возможное, возможно-невозможное, невозможно-возможное, невозможное образным моделированием в кондициальных, фиктивных, условных, сослагательных залогах *als ob*, *a la*.

Из обозначенных версий

- первые две не концептуальнообразны: не существует доброкачественной серьёзной гносеологической доктрины супранатурального, мистического опыта (в том числе, восплаемого известной национальной философской традицией «живого знания» – Хомяков, Одоевский, Достоевский, Рерихи и др.) анахоретов, схимников, каббалистов, суфиев, йогов, тавматургов и т. д.; по сию пору не отработаны техники самопознания, претендующие на освобождение людей от материального бремени, телесных уз путём управления психо-физиологической организацией; равно как обретения фанероскопического, эйдетического, феноменологического, проскопического эзотерического сверхразумного дара (Платон, Лейбниц, Пирс, Гуссерль, Франк, Мен де Биран, Бергсон, Лопатин, Н. Гартман, Лосский, Жильсон, Маритен);

- третья отталкивает тривиальным атеоретизмом: идеология зеркального воспроизведения лишает гносеологию намёков серьёзности в моделировании перекрытия противостояния субъективного-объективного в познавательной деятельности; говоря односложно, наивный реализм (Эм-педокл, Николай Мефонский, Кондильяк, Гассенди, Гельвеций и др.), ассоцианизм (от Гартли, Гальтона до Г. Мюллера) исключает выстраивание не «ползучей» – «крылатой» теории;

- четвертая перспективна допущением самовозрастания, самоприрастания потенциала души синтетикой творчества, запуском креативных ПРС, генерацией инноватики, но дискриминируется за интеллектуальный произвол, отход от устоев; уход в мнимость; подрыв традиций; нарушение канонов; беспочвенное витание в облаках; созидание «воздушных замков»; опасное фантазирование, – иными словами: своеволие, распушенность, отступничество.

Отступничество ... дело в нём.

Тут следует разобраться. Выводимое из подспудья наносного ре-альная проблема имеет вид ряда сопряжённых постановок, семантически-

ми кернами которых выступают едва не софистические недоумения – по сориту: наука (стремящаяся к расширению знания познавательное предприятие) должна прогрессировать; наращивание корпуса знания обеспечивается ПРС; но последние питаются одиозным отступничеством – заслуживающим фронтального осуждения своевольным воображением. Итог – беспринципная антитворческая гносеология, наделяющая человека способностью «производить идеи», но выдворяющая из рефлексивного рассмотрения процедурную канву идеепроизводства. Такова, к слову, гносеология Канта, изобличающая продуктивное воображение как явление.

Дело имеет головоломное осложнение учётом операционально-технической основы. По сформулированному принципу когнитивно-эпистемической эквивалентности в процедурном плане ток ментализмов, когитальные типы действий оригинала и маргинала, учёного и дикаря, первопроходца и шизоида не различимы. И там, и сям – психосинтетика «спонтанного сознания» (Сартр), демонстрирующего «патологическое» неразумие

- скачков в *mundus fabulosus*;

- дисквалификации здравомыслия: анимизация, тотемизация, гилозоизация, аниматизация действительности дикарей; галлюцинативное навязчивое двоемирие душевнобольных; фантазмагорические конструкции в самой строгой науке (топологическая равнообразность квадрата – круга; «делитель нуля» – ненулевой элемент кольца, полугруппы с нулём, произведение которого на ненулевой элемент равно нулю; отсутствие параллельности в проективной геометрии и т. д.);

- алогизма – логического беззакония – *per nefas logicum* – в заключениях от неиллюзорного существования к иллюзорной сущности и *vice versa* – инверсивное *conclusio ab essential ad existentiam*.

Если в этимологии *sapientia* заложен семантический базис *sapere* – «пробовать на вкус», напрашивается раздосаживающее: пробовать нечего: везде, повсеместно – непритязательный и превращённый интеллектуализм, индуцируемый превратной духовностью. Наука должна развиваться, но точкой роста её пребывает паранаучное отступничество... Коллизия. Она преодолевается диверсификацией полномочий направляющих регулятивов в науке «переднего края» – непрерывных исканий и «твёрдом ядре» – всесторонних оправданий. В первой актуализируется «эвристичность», во второй – «демонстративность». Для нашего изложения важно уяснить два обстоятельства

- отсутствует алгоритмика «производства идей»; не имеется «логики открытия»; статусно инновационные акты и их творческий продукт выглядят «сумасшедшими» (Бор), сближаясь с бреднями, фантазмами, грёзами широкого профиля – от космогонии дикарей, неотвязных мечтаний душевнобольных до неправомерных измышлений теософов, причудливых конструкций фундаментального знания;

- момент «генерации» идеи разлучён с моментом её «демонстрации»; не имеющее надлежащего рационального, эмпирического удостоверения инновационное приращение сталкивается с деструктивным отношением «недоверия», которое, используя схему социального действия Парка [24], минуя конфликт, купируется консенсусом; инновация ассимилируется, вписывается в тезаурус добротных представлений [3].

Так было, бывает, будет со всеми парадигматическими прорывами, вначале – ввиду «сумасшествия» – встречаемыми в штыки, впоследствии легализуемыми разборчивой научной картиной мира (гелиоцентризм, эволюционизм, релятивизм).

Отталкиваясь от выраженной двутактности породительного цикла науки: генеративной фазы производства и демонстративной фазы удостоверения, используя принятую символику, уточним динамику происходящего.

Провальная ситуация в наличной теории вследствие давления контрпримеров взыскует благотворных перемен. Ими озабочивается (в генеративной фазе) креативная синтетика ПРС в лице ментальных экзерциций в W -виртуальном мире обследования вероятно-невероятных исходов. По исполнении цели (демонстративной фазе) данности W приводятся в соответствие с данностями действительного (выделенного) мира W_0 ; сопоставление W с W_0 - семантическая денотация, референция, интерпретация – производится корреспондирующей операцией R ; инновация включается в традицию (традиция пересматривается). С возобновлением исходного цикл повторяется.

Учитывая, что истина возникает как ересь и погибает как предрассудок, востребуется прояснение генерального сюжета: свершающегося в W как морфогенетической фабрики интеллектуального созидания.

Раскрывая тайну поэтического ремесла, Ахматова интриговала:

Когда б вы знали, из какого сора

Растут стихи, не ведая стыда...

Отчетливое ахматовское понятие генеалогии беллетристики правильно дополнить однопорядковым понятием генеалогии теоретизма.

Наш тезис: сочинительные акты, производительные движения, продуктивные процедуры в поэзии и теории гносеологически идентичны, креативно типологичны. Назовём их сразу: тропное коннотирование, ассоциативное коррелирование, образное проецирование, символическое моделирование, условное инкорпорирование, асимптотическое репрезентирование. Нерв данных перспективных мыслеобработок-переработок – мощнейшие вполне произвольные смысловые трансформационные ресурсы группировки (перегруппировки), отображения, подстановки (перестановки), преобразования, проекции, разбиения, распределения, соответствия, сопряжения, сравнения. В формальном выражении доктрина воображения покрывается доктриной обусловливания групповых операций.

Группировка: n -арная (элементарно – бинарная) операция, нацеленная на признаковое сочетание элементов любого (пустого, непустого) множества.

Отображение: контекстуальное сопоставление элементам $x_1, \dots, x_n$ произвольного множества X элементов $y_1, \dots, y_n, z_1, \dots, z_n$ и т. д. других заданных множеств Y, Z и т. д.

Подстановка (перестановка): замена (подмена) элементов одного множества элементами того же или других множеств с соблюдением/несоблюдением изоморфизма.

Преобразование: перевод множества в себя и другие множества.

Проекция: образная трансформация одних элементов (множеств) в другие по пластичным законам отображения.

Разбиение: равновеликое/неравновеликое составление одного из другого.

Распределение: перенос смыслозначимостей.

Соответствие: n -арное отношение множеств по областям определения значения.

Сопряжение: смысловое отображение объектных пространств любой природы.

Сравнение: установление признаков соотношений [6; 5].

В психиатрическом, неврологическом, психологическом практике грёзоподобные формы освоения действительности купируются; с целью восстановления трезвомыслия, реализма с ними борются.

В художественном искусстве они не только допускаются, – ими упиваются (ср.: театр абсурда, сценические фантазии в технике «тело без органов»; совокупный сюр, нонсенс, эпатажный эстезис). Последнее и в реалистическом, и натуралистическом искусстве обслуживают приёмы доведения героев до «внутреннего кипения» сообщением наведённых импульсов в обследовании небывальщины (Гоголь, А. Белый); экзальтаций (Гёльдерлин, Дюрренматт, О. Уайльд); экстатических выбросов (Т. Уильямс); сделок с дьяволом (Гёте, Т. Манн); бытия как мышления (Джойс, Пруст, Кафка); сновидений (Достоевский, Толстой, Короленко, Андреев).

Операционально имеет место раздвижение границ реальности прямым выходом в дополненную киберреальность; – по артикулированной схеме – из W_0 в W без опосредующего медиатора R . В любой сетке оценок подобный выход есть скачок в трансцендентное – выше охарактеризованное отступничество.

В эстезисе творческое «беззаконие» всецело оправдано – санкционировано внутренней логикой, профессиональной интенцией художественности на образную аппрехенсию субъективности под углом зрения самовозрастания человечности, осуществимой не реконструктивной, но продуктивной процедурой. Дадим пояснение.

Платон, – автор модели анамнезиса, – полагал: человек может не знать, каких знаний он обладатель, но в нём живут верные мнения насчёт

того, чего он не знает [15, с. 391]. Умелой аналитикой (майевтикой) возможно вызволить из подспудья знакомо-незнакомое, активировать латентное богатство души.

Сходной линии держался Фрейд, допускавший восстановление прошлого по идентификации его следов в настоящем [17, с. 190]: в глубинах души – то, что не знакомо, но в сущности известно [16, с. 105].

Духовное богатство человека – богатство его прошлого?! Прямо скажем: позиция слишком вычурная, чтобы быть справедливой. Напротив: духовное богатство человека – обилие его проективности, основательности сотворяемого им ближайшего и удалённого будущего, что, собственно, получает отображение в единственно точной трактовке сапиента как существа позиционного, континуально-имперфектного [7].

Посему рефлексивный ресурс постижения человечности – не словари бессознательного (по кальке египтологической таблицы Розетты), а имитационное экспериментирование в разной системе координат с непрерывным использованием продуктивными инъекциями перекрытия реализа кондиционализмом, фактива контрфактивом, актуатива посессивом.

Фикс-пункт указанного здесь – «перекрытие», в створе нашей проблемы имеющее контрастное «соматическое» – «эйдологическое» истолкование.

Соматическое. Как увечная предпосылка творчества покрывается «повреждением», которым эксплицируется «гениальность». Полную аналогию «гениальности – помешательства» дают Ломброзо, Нордау [12; 14]; частичную аналогию его проводят фокусирующиеся не на «помешательстве», а на «болезни» Т. Манн, С. Цвейг:

- Т. Манн: «...дело прежде всего в том, кто болен, кто безумен, кто поражён эпилепсией или разбит параличом – средний дурак, у которого болезнь лишена духовного ... или человек масштаба Ницше – Достоевского. Во всех случаях болезнь влечёт... нечто такое, что важнее и плодотворнее для жизни и её развития, чем засвидетельствованная врачами нормальность» [13, с. 291];

- Цвейг: дух Ницше «отказывает ему в сострадании» – и на конфликте с организмом по достижении «низшей точки жизнеспособности» открывает ему «новые перспективы»: в духовном развитии воспевателя сверхчеловека «внезапно наступает столь характерное для него молниеносное, поистине вдохновенное «преодоление», одно из тех мгновений самопознания и самоспасения, которые сообщают истории его духа такую величественную, потрясающую драматичность. Резким движением привлекает он к себе болезнь, которая подрывает почву у него под ногами и принимает её к сердцу; таинственный, неопределимый во времени миг, одно из тех молниеносных вдохновений, когда Ницше на путях своего творчества «открывает» для себя свою болезнь, когда изумлённый тем, что он всё ещё, всё ещё жив, тем, что в самых жестоких депрессиях, самые болезненные периоды жизни, не иссякает, а возрастает его творческая мощь,

он с глубоким убеждением провозглашает, что эти страдания неотъемлемо принадлежат к «сущности» священной, безгранично ценной сущности его существа» [18, с. 16].

В отсутствие надёжных данных о строгих клинических испытаниях, способствует ли разбаланс психофизиологического прогрессу, простору умственных сил, выскажемся осторожно.

С одной стороны, нельзя исключать, что болезнь, связанные с ней страдания как *qualitas occulta* могут стимулировать заглядывание туда, куда не заглядывают. За эфемизмом «заглядывать не туда» – творчески благодатное приобщение к *lux veritatis* вследствие соматических недугов, органических перерождений. Предположительно: причастие невиданным высотам, глубинам получил перенесший кровоизлияния в мозг Шнитке, превратившийся в *instrumentum deus*.

С другой стороны, не отменяется проблематизация, способствовало ли в действительности раскрытию таланта психосоматическое нездоровье Мунка, Врубеля, Гогена, Ван Гога и др.

С третьей стороны, отменяемо ли расхожее: лишь в здоровом теле здоровый дух (античные вариации: *mens sana in corpore sana*; *mens fervida in corpore lacertoso*).

В конце концов, надо ли быть больным, инвалидом, шизоидом, алкоголиком, чтобы двигать науку, созидать культуру? Скорее всего, претерпевшие, утратившие, лишившиеся творили не «благодаря», а «вопреки». На наш взгляд, внедряемый в циркуляцию аналитики причудливый «вопрекизм» никак, ничем не обоснован. В наш продвинутый век авангардных прорывных технологий (комплекс NBICS), беспрецедентных возможностей биомедицины, *big farma* не отделаться от искуса инициировать творческий процесс наведённым ресурсом фармацевии, нейроинженерии. Индуцируема ли креативность сомато-физиологически? Исходя из принимаемых нами базисных презумпций восприятия предметной сферы даётся однозначный и притом отрицательный ответ. Творческая духовность и духовная творческая, как всё человеческое, конечно, опосредуются органикой, но к ней не сводятся; креативность человеческого и человеческая креативность получают эйдологическую экспликацию.

Эйдологическое. Человек – не витаминстр, не био-техно-артобъект, он – существо творческое: образо-, идее-, смысловырабатывающее. (Небезынтересно в данной связи обращение к взглядам «прожжённого» механициста – Декарта, признававшего: «сила, посредством которой мы собственно познаём... является чисто духовной (! – авт.), отличающейся от всего телесного (! – авт.) ... единственной в своём роде...» [1, с. 124]. Нерв творчества как продуктивной созидательности – получение неведомого; гносеологически версифицируется моделью ПРС [6], осуществляющего нестеснённое, воображением питаемое движение в универсуме возможного.

Человеческая рациональность атрибутируется «осмысленностью» – способностью производить последовательную дискурсивнуюмыслеобра-

ботку явлений действительности. Своей основностью (дериват системного мыслестроя) рассудочность выгодно отличается от чувственной импульсивности, но страдает инерционностью, вырождаясь в рассуждательство – поучающее менторство. Изъян рассудочного – стандартизирующая логизация, резонёрство – вялотекущий непритязательный дидактизм, в аппроксимации – схоластическое сверхтщетное умствование.

Рассудок – когнитивный конвейер штамповки, упорядочения, сортировки, организации, трансляции известного, но не орудие штучного инновационного порождения; рассудок лишён потенций креативной инициативности. Чем же последняя как пнерианский источник когнитивного плодоношения обусловливаема?

В качестве ответов традиционная гносеология уповала на

- интуицию, озарение, инсайт – удел гениев, богоизбранных находить неизвестное (пополнять тезаурус);

- восприятие – *ideae adventitiae*;

- умственные экзерциции – *ideae a me ipso factae* на базе предыдущего;

- врождённые представления – богоданные *ideae innatae*.

Рычагом инноватики не могут быть *ideae adventitiae*, представляющие лишь материю мыследеятельности вне уточняемого механизма её переработки.

Локомоция творчества логически абстрактно способна обеспечиваться интуицией, умом, божественным вмешательством. Между тем здесь – незадача.

Интуиция в релевантном интеллектуальном (не чувственном, как у Патрици) прочтении: как «прочное понятие ясного и внимательного ума, порождённое лишь естественным светом разума и благодаря своей простоте более достоверное, чем сама дедукция...» [2, с. 86], – не получает, что очевидно, явного предикативного определения; в итоге: отсутствие понимания – что такое интуиция, каково её происхождение.

Ум как сверхрассудочный – не упорядочивающий, но вырабатывающий ресурс, – попросту не тематизируется; утрачивая автономию *lumen naturale*, подавляется *lumen supranaturale*.

Мистическая интеллигенция: «...человеческий ум содержит в себе нечто божественное, в чём посажены (как? кем? – авт.) первые семена (какие? – авт.) полезных мыслей так, что часто, как бы они ни были заглушаемы и оттесняемы... вопреки всему приносят самопроизвольно (?!– авт.) плоды» [2, с. 90].

Избавление от мистики, *ad hoc* наделения интеллекта неким «прирождённым светом» [2, с. 127] обуславливалось бы правомерным перемещением на креативно-синтетическую точку зрения, поднимающую на щит продуктивную мощь воображения. Однако такая, подчёркиваем, правомерная акция традиционной гносеологии была заказана. Виной тому – борьба с обманчивыми суждениями «беспорядочного» измышления, тре-

тируемого за произвол, беззаконие, прихоть. Опять и снова – жупел анонимии, отступничества, «поощряющих» выделку нетерпимой несусветной несуразицы, купирование которой, как избитый лейтмотив, красной нитью проходит через философию науки от Декарта до Канта, под фирмой очищения мысли от фантазмагорий лишаящий её (мысль) ключей живительного обновления.

Воистину благими помыслами мостится дорога ад. Благонамеренное – санировать познание – стало причиной неблагонамеренного заушательства: подвергшись остракизму, воображение лишилось статуса добротного органа; теория познания утратила возможность концептуализировать его природу. Настала пора, однако, вернуть утраченное, отказавшись от негодного наследия: воображение должно быть восстановлено в своих полномочных правах; теория познания, отбросив мистификации (нелепые отсылки к «внезапным прояснениям»), должна, наконец, озаботиться отработкой доктрины рабочей машины творчества.

Восстановим проблемную интригу. Суть заключается в том, что в неординарных, критических казусах концептуального ступора, острого дефицита положительных представлений о природе вещей (ситуация конца XIX-начала XX вв. в физике в связи с невозможностью наделения эфира – среды-проводника силовых взаимодействий в пространстве – верифицируемыми атрибутами) возникает задача обогатить ищущую мысль работоспособными идеями-образами. Разумеется, допустимо адресоваться ни к чему не обязывающему «наитию», уповать на не менее провальное психосоматическое «повреждение» как индукторам инноватики. Допустимо, но не вдохновительно, не перспективно.

Если в куда более «фривольном» сегменте творчества – художественной театрализации – отказываются от привнесения «патологии»: Станиславский, Шаляпин, Г. Гарбо, А. Вертинская, Заманский с определённого момента самооценки собственной деятельности воздерживались выходить на сцену, – к чему заниматься театрализацией познания, нести патологию в науку? В подобных казусах (типа отмеченного кризиса в физике на рубеже прошлых веков) расширяют концептуальную раму. Как? Вообразительным вводом диффузных, аморфных образов – предпонятий, квазипонятий.

В качестве знаменательной *nota bene*:

- малолетки когитально коррелируют предметы по единым впечатлениям без номологических сцепок (их просто нет), ввиду чего когнитология комбинирует аналитической фигурой нерасчленённого слитного образа – синкретичного восприятия, где объективные связи вплетены в субъективные;

- выстраивая линейную последовательность кристаллизации предпонятий как образных сгущений с перерастанием их в предметно насыщенные формы, В. Бунак выделяет: узкие, расширенные конкретные представления, общие представления и связи в пределах одного и нескольких

деятельностных циклов, зачаточные, диффузные, детализированные понятия, синтагмы.

Сильная гносеология должна оформляться как обобщение канонов мыследеятельности на разных стадиях онто- и филогенетического развития от выяснения характера мышления дикаря, ребёнка до развитого человека. Реализации плана, как кажется, содействует уточнение способа интеллектуальных занятий практикующих учёных в неординарных ситуациях постройки/перестройки фундаментальных теорий.

Когда мысль не располагает ни отчётливым понятием предмета, ни отчётливым предметом понятия, – отпускают поводья – развязывают «свободную игру ума»; в относительно произвольном выстраивании комбинаций символических форм, тропном сочетании абстрактных возможностей предпринимая скачки из W_0 в W – образным, метафорическим – непрямым путём осваивают полагаемую als ob имитационную искусственную реальность.

Для художественного опыта (эстетизм, поэзис, мимезис) – вещь своеобычная.

Имеется «техническое задание» выразить природу власти. Концептуально очерчиваемое поле власти (ноэзис) – могущество, – незыблемое, прочное, массивное, нависающее, угнетающее, нагнетающее деспотичное начало – использует Дали, переводя его в эстетизм, где возникает художественная инкарнация – «слоновость».

Тропное движение из реалиса (W_0) в кондиционалис (W) соответствует метафорической перегонке – преобразованию, – помещение «ноэмной власти» в «эстемную власть», – подмена идеи образной оболочкой.

Далее – оксюморонное усиление: фронтальная посессивная проблематизация «слоновости» латентным соображением: «идеальная» власть крепка не собственной крепостью, а крепкой поддержкой народа, отсутствие которой фатально. Отсюда – сюрреалистичная, кошмарно-фантазмагорическая, бредовая репрезентация «власти» как «слоновости» «бесслоновостью» – образом не привычных слоновьих конечностей – ног столбов-тумб (реальность), а хилых подпорок – тонких, хрупких подставок с множеством неказистых, невзрачно-несуразных коленных чашечек (виртуальность).

Власть – слоновость – слоновьи опоры, – метафорическая эйдети-ческая метаморфоза (тропный метаболизм), – мнимая крепость – тщедушность – субтильное ... суперфлю.

Семантика незыблемо-прочного (актуатив «власти») – в семантике ненадёжно-неустойчивого (посессив «власти»), – такова феноменологическая подача; власть не самодостаточна: превращённая в самоцель, вырождается в эфемерность, пустопорожнюю анекдотическую гордыню, кичливое, отвратительное чванство, – такова эссенциологическая подача.

Налицо объективация *qui pro qui*, – всей заявленной ранее палитры вообразительного маневрирования.

Противоестественность (шизообразность) предполагаемых ситуаций? – Да! Иллюзорность (галлюциногенность) применяемых сочетаний? – Да! Эффект? – катарсическая достоверность, поучительное обогащение внутреннего мира высоким понятием «правильной» власти.

Вненаучный символический опыт довольствуется заинтересованным, но отрешённым сопоставлением W с W_0 ; научный опыт (ноэзис) взыскует опосредования сцепки W с W_0 введением транспарентного медиатора R . Действительно.

Есть ли эфир? Эвристически онтологическая стихия обслуживает потребности теории физического взаимодействия, но экспериментально не удостоверяется. Не вызволяет абстрактное моделирование, – курьерским поездом мчащееся концептуирование от Френеля до Лоренца, не успевающее в интерпретации реализуемости.

Задним числом понятно: если абстракция не исключается, она пуста; но как отказаться от субстанциального каркаса теории? Напомним: к рубежу XIX-XX вв. выявилось: классическая механика не согласуется с электродинамикой, – уравнения Максвелла не удовлетворяют принципу относительности Галилея; подрывалось капитальное требование инвариантности при смене систем отсчёта. В качестве спасительного круга актуализировалось *ad hoc* соображение трактовать эфир в качестве привилегированной системы отсчёта. Тогда обострилась проблема денотации – придания эфиру верифицируемых качеств, которая также естественно не разрешалась [3].

Фундаментальной теории предстояло разобраться с двумя сложностями:

- формальной: восстановить универсализм аппаратной репрезентации релевантного материала;
- содержательной: ввести рецептуру выбраковки онтологических, категориальных фикций.

Первая – преодолена истолкованием преобразований Лоренца (относительно которых уравнения Максвелла не утрачивали инвариантность) как синхронизирующих исследовательские действия в разных системах отсчёта.

Вторая – идеологией операционализации языка науки.

Эйнштейн подчёркивал значительность влияния Достоевского на собственное творчество. Недоумённое – что черпает физик приобщением к беллетристике? снимается односложно: драматическую окраску когнитивного проектирования. В самом деле.

Сколько романов ни читай, никакой физики оттуда не выведешь. Но выведешь пафос. В нашем случае – пафос оправдания силы идей силой действий. Умственные конструкции не могут быть деятельностно безопорными; могущество мыслей выявимо конвертируемостью в действенные поступки. Такую экзистенциальную философию отстаивал Достоевский; такую же когитальную философию отстаивает Эйнштейн. Поступок – мерило жизненной правды; экспериментальное действие – мерило научной правды.

Потенциально опытно неопробуемое – фиктивно; ценность абстракций в конечном счёте поддерживается не плетением словес, а объективацией.

«След» Достоевского в физике имплицировал серию сейсмических событий.

ОТО: метафорическая «подмена» физики геометрией, – редукция «поля» к «кривизне» пространства событий в зависимости от изменения средней плотности космической материи ρ_0 ; – упрочение геометродинамики, которая с естественнонаучной и методологической точек зрения не вдохновляет адептов релятивистской теории гравитации, окрыленных идеей эксплицировать «гравитацию» как субстанциальную онтологическую стихию (не геометрическую репрезентацию пространства с переменной кривизной), которая по сути – и должна концептуализироваться физикой как ядром природознания.

Перемещение с физической на als ob геометрическую платформу сугубо осложняет реализацию амбициозного проекта единой теории поля, где окончательному объединению четырех видов фундаментальных природных взаимодействий противится отсутствие именно физической (реалистической – не тропной!) трактовки существа «тяготения».

Квантовая механика: не менее глубокие вопросы статуса «референции», точно плотные облака, окутывают ясное небо квантовой механики, инициируя уяснение не самого по себе характера данности объекта в поисковых штудиях – принципы неопределенности, дополнительности, – а существования объекта «знания познавателя», к чему примыкают головоломные парадоксы Эйнштейна-Подольского-Розена (ЭПР-парадокс) и Шредингера (парадокс «кота»), навевающие «шизоаналитическую» модель «двоемирия» (элементарные частицы ЭПР-парадокса взаимодействуют в пространственноподобных интервалах причинно несвязанных миров; «кот» Шредингера способен находиться в суперпозиции «живого и неживого»).

Психология творчества исключает унификацию: «колесо мыслей» не крутится по накатанной колее конвейерного производства; каждый творит своенравно, своеобразно, священнодейственно. Отсутствует рецептура эвристической инноватики: Шиллер вдохновляется запахом яблочной гнили; Пушкин творил на диване; Грин – за ломберным столом; А. Кристи – на коленках; Шукшин – в ... клозете; Ж. Сименон – после походов в ... бордель ...

Гносеология творчества крепится на унификации: креативные «движения души», жестко не детерминируясь «движениями тела» (противное – механицизм Декарта – Мальбранша – де Руа), типологичны в развертывании образного моделирования: в разных локусах (топосах, модусах) продуктивной духовной реализации просматривается каноническая схематика неослабной силы оригинального воображения.

Общим местом выступает тропный принцип интеллектуального моделирования с перекрытием реалиса (W_0) – действительного мира-кондиционалисом (W) – миром возможного.

Везде – эйдетический имитационный эксперимент (предмет повышенного внимания Йенша, Кро), выстраивающийся как сознательный отказ от стандартизирующей рассудочной нормы вследствие обследования «невозможно-возможного». Везде – отступническая интрига через вымысел, нелепые «бредни». В технике als ob неотвязно мечтают в

- беллетристике: Гоголь, захваченный пустопорожним: что будет, если от человека сбежит ... нос; наладится гешефт с «мертвыми душами»; кто-то кого-то зачем-то назовет «гусаком»; Уайльд, исполнявший «этюды в прозе» с выбранной для этого «формой фантазии»;

- политике: социоконструкторы-провидцы грядущего – большевики, полагавшие диковинное: жить по «прямому продуктообмену» – «ближе» к ... коммунизму; беспрестанно экспериментировавшие: что будет, если строить светлое будущее в отдельно взятой отсталой стране, затем ... семье;

- науке: Галилей, разрушивший наивный реализм, пресловутый ассоцианизм и утвердивший парадигму не объектоориентированной (Аристотель), но образоориентированной – «пустотной» механики.

Символический духовный опыт когерирует не вещи, но образы вещей, по большей части фикции, которые, подобно всем отвлеченностям, требуют исключения, но до поры до времени демонстрируют работоспособность своей людической вольно-игровой природой. Перегоняя пар в студеную воду, они делают великое дело: обуславливают креативное самовозрастание человечности.

Вообразительные полеты в крепком сне предрешают воплотительные полеты в заправдашнем наяву:

- суггестивность искусства позволяет снимать стресс (методики йоги, Н. Лопаткина);

- условность науки – формулировать законы («инерции», «падения» - в механике; «вихревая» теорема Жуковского в аэромеханике);

- утопичность социальной философии – общественно-политическое проектирование etc.

Говорит Гораций:

А что, коли нет равновесья в рассудке:

Брезгует тем, что искал, что недавно отринул, вновь ищет.

Вечно кипит, расходясь со всеми порядками жизни,

Рушит иль строит; то вдруг заменяет квадратное круглым?

Mutare quadrata rotundis – для ума увечного и изобретение – для ума творческого. Вообразительная свобода одномоментно суть и безумие, и иноумие; единообразно сдерживается нормологией: психиатрия, право, традиция, нравы, стандартная наука отход от канонов расценивают покушением. Всегда, во всем общество связывает, сковывает инновационную инициативу. Тем самым обрекает себя на застой, консервацию, обездвиживающую стагнацию.

Надежный заслон прокрастинации – простор предприимчивости, раздолье самозаявления, самоизъявления, самопроявления, обеспечиваемых открывающим возможности творческим воображением.

Ни Фуко, ни Леви-Строс в силу профессиональной специализации не являлись философами; тем не менее позволяли себе выступать от имени (не по поручению) обязывающих философских провозвестий – претензий на развал человечности, дезавуирование субъекта – этого баловня, который слишком долго занимал философскую сцену [23, с. 614-615] и которому суждено стереться, как изображению на морском песке [22, с. 398].

Ничуть не бывало. Нетленность, нестираемость, неупраздняемость субъективности предreshает имперфектная креативность, через «иномирное» саморазвитие сподвигающая на перманентный гуманитарный рост.

Список литературы

1. Декарт Р. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. 709 с.
2. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. / пер. с лат. и франц.; сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. Т. 1. – 654 с.
3. Ильин В.В. История и философия науки: учебник / изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 335 с.
4. Ильин В.В. Теория познания. Симвология. Теория символических форм. М.: Издательство Московского университета, 2013. 384 с.
5. Ильин В.В. Теория познания. Философская семантика. М.: Проспект; 2024. 192 с.
6. Ильин В.В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект, 2018. 173 с.
7. Ильин В.В. Философская антропология: учебное пособие / 2-е изд. М.: Книжный дом Университет, 2008. 231 с.
8. Ильин В.В. Философия. Метафилософия, онтология, гносеология, эпистемология. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 824 с.
9. Кондрашенко В.Т., Донской Д.И. Общая психотерапия: учеб. Пособие / 2-е изд., доп. и перераб. Мн.: Выш.шк., 1997. 464 с.
10. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
11. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
12. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М.: Азбука, 2023. 352 с.
13. Манн Т. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Терра, 2009. Т. 8. 377 с.
14. Нордау М. Психофизиология гения и таланта. СПб.: Вестник знания, 1908. 67 с.
15. Платон Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1968. Т. 1. 622 с.
16. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ / пер. доктора В. Вульфа; с предисл. проф. И. Ермакова. М.: Гос. изд-во, 1922. Т. 1. 252 с.
17. Фрейд З. Я и Оно // Хрестоматия по истории психологии. М.: ЭКСМО, 1998. 1040 с.
18. Цвейг С. Фридрих Ницше // Ницше Ф. Я – великий. Трагедия сверхчеловека. М.: Родина, 2021. 622 с.

19. Bachelard J. Le nouvel esprit scientifique. Paris: Les Presses universitaires de France, 1963. 181 p.
20. Baudrillard J. The Evil Demon of Images. Sydney: Power Institute of Fine Arts, 1987. 54 p.
21. Freud S. Totem und Tabu. Lpz.: Heller, 1913. 149 S.
22. Foucault M. Les Mots et les choses. Paris: NRF, Gallimard, 1966. 400 p.
23. Levi-Strauss C. Mythologiques. Paris: Éditions Plon, 1971. T. 4. L'homme nu. 687 p.
24. Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the Science of Sociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1921. 712 p.

The archaeology of creativity: towards the diathetic scenography «ailment of the body – the rise of the spirit»

**V.V. Ilyin, S.N. Vishnevskaya, I.S. Pisarenko,
T.V. Shafigullina, Ya.V. Yalovenko**

Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga

Against the background of the established typology of the figures of the originals and marginals, a demarcation is carried out: non-scientific cognitive experience is satisfied with the self-sufficient development of a fictional hyperreality – a possible world W, scientific experience is based on the need to correlate the figurative structures of W with the structures of the real world W₀ by introducing a corresponding mediator R. On this basis, a platform for the rehabilitation of «imagination» is claimed as a productive resource that provides a fruitful expansion of cognitive potential. Epistemology must be completed «to the top» by the positive doctrine of the working machine of creativity.

Keywords: *productive imagination, imaginative modeling, humanitarian architecture.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры «Общественные науки» Калужского филиала ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

ВИШНЕВСКАЯ Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Общественные науки» Калужского филиала ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», Калуга. E-mail: vishnevsky@bmstu.ru

ПИСАРЕНКО Илья Степанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Общественные науки» Калужского филиала ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», Калуга. E-mail: pisarenko.is@bmstu.ru

ШАФИГУЛЛИНА Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Общественные науки» Калужского филиала ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», Калуга. E-mail: shafigullina.tv@bmstu.ru

ЯЛОВЕНКО Яна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Общественные науки» Калужского филиала ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», Калуга. E-mail: yana2307@rambler.ru

Authors information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – PhD (Philosophy), Professor of the Department of Social Sciences of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

VISHNEVSKAYA Svetlana Nikolaevna – PhD (Philosophical Sciences), Associate Professor of the Department of Social Sciences, Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga. E-mail: vishnevsky@bmstu.ru

PISARENKO Ilya Stepanovich – PhD (Historical Sciences), Associate Professor of the Department of Social Sciences, Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga. E-mail: pisarenko.is@bmstu.ru

SHAFIGULLINA Tatyana Vladimirovna – PhD (Historical Sciences), Associate Professor of the Department of Social Sciences, Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga. E-mail: shafigullina.tv@bmstu.ru

YALOVENKO Yana Viktorovna – PhD (Economic Sciences), Associate Professor of the Department of Social Sciences of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga. E-mail: yana2307@rambler.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2025.
Дата принятия рукописи в печать: 28.01.2025.